

МАЯКОВСКИЙ

без глянца

ПАЛЬМИРА
Т8 ИЗДАТЕЛЬСКИЕ ТЕХНОЛОГИИ

Москва / Санкт-Петербург
2022

УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6
МЗ9

*Составление Павла Фокина и Дмитрия Тимофеева
Вступительная статья Павла Фокина*

МЗ9 **Маяковский** без глянца / [сост. П. Фокина, Д. Тимофеева ; вступ. ст. П. Фокина]. — М. ; СПб. : «Т8 Издательские Технологии» / «Пальмира», 2022. — 590 с. — (Серия «Без глянца»).

ISBN 978-5-517-08562-7

Маяковский — исполин, трибун — по воле эпохи и властей давно обронзовел и окаменел. Но за монументальностью скрывалась противоречивая, страстная натура бунтаря и низвергателя. Книга открывает читателю всю сложность его биографии, где нет места ни лакировке, ни преувеличению.

**УДК 821.161.1
ББК 83.3(2)6**

ISBN 978-5-517-08562-7

© Фокин П. Е., составление, вступительная статья, 2022
© Тимофеев Д. А., составление, 2022
© Оформление.
АО «Т8 Издательские Технологии», 2022

«Строящая и бунтующая сила»

...Он все еще никем не заменен и,
как был, так и остался крупнейшим
поэтом нашей революции.

Лили Брик. Из письма И. В. Сталину

Маяковский так много и так громко пел гимны Революции, ее вождям и идеологам, так искусно высмеивал и изобличал ее врагов, внешних и внутренних, так истово и целенаправленно, порой «становясь на горло собственной песне», нес в массы лозунги партийного руководства, планы социалистического строительства, идеи коммунистического будущего, что в конце концов все — и современники, и «товарищи потомки», и лично товарищ Сталин — признали его первым поэтом Революции. Он и сам так думал:

Я, ассенизатор
и водовоз,
революцией
мобилизованный и призванный,
ушел на фронт
из барских садоводств
поэзии —
бабы капризной.

Социальная буря, всколыхнувшая Россию в 1917-м, пришлась по душе двадцатичетырехлетнему поэту-бунтарю. Взволнованный, бежал он в сторону каждой перестрелки, буйствовал стихом и словом на всяком собрании и митинге, кровь гудела в жилах, заставляя сердце биться в лихорадке почище любовной.

Революция ему давно нравилась, еще в гимназические годы. Он мечтал о ней, как о первой женщине.

С романтическим пылом готов был пойти на все. Ради нее трижды сидел в тюрьме. Ради нее разоделся в желтую кофту, вышел с пылающим взором на улицу, «мир оглумив мощью голоса», залепил «Пощечину общественному вкусу»: «Нате!». Ради нее мотался по городам и весям чеховской России, засеивая «самовитым словом» умы и воображение, раздражая и будоража горьковскую Русь.

Большой, сильный, шумный, он, как ему казалось, рожден был быть поэтом Революции. Рожден рушить старое и строить новое. *Разрушать, созидая*. Творить наперекор традиции, новыми ритмами и смыслами бросывать классиков с «корабля современности».

Славьте меня!
Я великим не чета.
Я над всем, что сделано,
Ставлю «nihil».

Ощущение собственной творческой силы — силищи! — было небывалым. И оно передавалось всем, притягивая и угрожая. Он должен был быть поэтом Революции.

Но стал ее *служой*: хроникером и летописцем, публицистом и агитатором, иллюстратором и пропагандистом. Служителем ее культа и мифотворцем. Сегодня, зная о тех годах даже толику правды, читать Маяковского больно. Зная, чем стал для России, для всего ее «150-миллионного» населения тот кровавый передел мира, который возглавили большевики, читать Маяковского стыдно. Ибо впервые в истории русской поэзии поэт встал на сторону победителей, забыв о «милости к падшим» и великодушии.

Я
всю свою
звонкую силу поэта
тебе отдаю,
атакующий класс!

Так родилась советская поэзия — поэзия безжалостных победителей. Во время одной из своих поездок по Советскому Союзу Маяковский побывал на могиле Николая II. О своих впечатлениях и чувствах он позже рассказывал так: «Конечно, как будто ничего особенного — посмотреть могилу царя. Да и, собственно говоря, ничего там не видно. Ее даже трудно найти, находят по приметам, причем этот секрет знаком лишь определенной группе лиц. Но мне важно дать ощущение того, что ушла от нас вот здесь лежащая последняя гадина последней династии, столько крови выпившей в течение столетий»*.

Маяковский был влюблен в Революцию. Был ею опьянен. И — не видел ее. Не слышал. Не понимал. А то, что видел и слышал — от природы наделен был острым глазом и чутким ухом, — понимал по-своему.

Я вижу —
где сор сегодня гниет,
где только земля простая —
на сажень вижу,
из-под нее
коммуны
дома
прорастают.

Так Дон Кихот в простушке Дульсинее признавал Прекрасную Даму.

Есть такое понятие — «бумажная архитектура». Так называют проекты, которые по каким-либо причинам (чаще всего экономическим, реже — эстетическим или идейным) остались лишь в чертежах и прорисовках. Исключительный интерес представляют собой творческие поиски советских архитекторов довоенных лет. Это грандиозные, величественные сооружения из

* См.: *Лавут П. И. Маяковский едет по Союзу*. М.: Советская Россия, 1969.

новейших для того времени строительных материалов, причудливых конфигураций и форм, сочетающие в себе элементы здорового прагматизма и какой-то немыслимой агитационно-пропагандистской декоративности. От них невозможно оторвать глаз, но стоит на минуту представить, что они могли бы быть реализованы, — душа холодеет.

Поэзия Маяковского — чистый образец «бумажной архитектуры» в стихах. То, чему посвятил свою лиру Маяковский (и до 1917 года, и в особенности — после), была не сама Революция, а — Мечта о ней. Эрос Революции. Ее вечное обещание и надежда. То, что приводит в восторг сердце, заставляет захлебываться адреналином.

Я с теми,
кто вышел
строить
и месть
в сплошной
лихорадке
буден.
Отечество
славлю
которое есть,
но трижды —
которое будет.

«Ему до всего есть дело, — восхищенно пишет о Маяковском его младший современник. — Все трогает его, все волнует, все его касается. Моя революция. Моя Москва. Моя милиция. Мой Моссовет.

Новый дом строится за сквером, где играют дети. Рабфаковцы, вотяки и черкесы, сидят возле университетской решетки под чугунными глобусами. Ломоносов смотрит на них с пьедестала.

— Что делается! — бормочет Маяковский про себя. — Что делается! Это уже социализм!

Молодежь толчется у витрин книжного магазина.
Книги Маяковского выставлены среди других.

„Моя фамилия в поэтической рубрике. Радуюсь я.
Это мой труд вливается в труд моей республики“.

Огромные „крикогубые“ буквы афиш извещают
о предстоящем вечере поэта в Политехническом.
„Хорошо!“ — орут афиши»*.

Маяковский любил Революцию.

Любовь слепа. Любовь зла. Он ли не знал об этом,
моливший некогда Бога:

Делай, что хочешь.
Хочешь, четвертуй.
Я сам тебе, праведный, руки вымою.
Только —
слышишь! —
убери проклятую ту,
которую сделал моей любимой!

А еще он любил Лилу.

Он встретил ее в 1915-м. С ходу, в присутствии озадаченного и ошарашенного мужа посвятил ей свою первую лирическую поэму (написанную не о ней!), и с тех пор каждую стихотворную строку отдавал ей. С того часа его лира зазвенела для Лили. И ни для кого больше. Ни для чего. Он стал добровольно, всецело, безоговорочно ее собственным, личным, персональным поэтом. Даже когда в 1920-м он анонимно печатал революционную поэму «150 000 000», потребовал в типографии, чтобы специально были оттиснуты три экземпляра с посвящением любимой, и непременно, чтобы это были *три первых экземпляра* в тираже, а когда оказалось, что технически это невозможно осуществить, потребовал от метранпажа объяснительную, которую и представил Лиле!

* См.: *Кассиль Л. А.* Маяковский — сам. М.: Детгиз, 1963. С. 142–143.

Она распоряжалась им вполне.

Взяла,
отобрала сердце
и просто
пошла играть —
как девочка мячиком.

По воле ее он мог уничтожить не понравившееся ей стихотворение и, напротив, отказаться от сожжения творческих рукописей. В голодный год мог отыскать в пустой и холодной Москве две бесценные морковины, необходимые для поддержания ее больного и истощенного организма. А позже искаживал часы по парижским магазинам, выполняя ее заказы — от изысканного белья до модного автомобиля.

Она была маленькой, изящной и едва ли красивой. Но для него стала *всем*. Навсегда.

Не смоят любовь
ни ссоры,
ни версты.
Продумана,
выверена,
проверена.

Надо помнить, что когда пришла Революция, его сердце уже было занято Лилей.

Революция была Мечтой, Лиля — Жизнью.

Мечта была простой, ясной и цельной, диалектически обоснованной: через тернии — к звездам! Она была катастрофически далека о реальности, от правды будней и исторической перспективы.

Жизнь — сложной, капризной, противоречивой, подвластной обстоятельствам и прихоти, чтобы и журавль в небе, и — синица в руках. Она открывала подлинность настоящего, обличала действительность, настораживала перед будущим.